

И.А. КЛИМОВ

РЕСПОНСИВНОСТЬ ВЛАСТИ КАК БАЛАНС СУВЕРЕНИТЕТА И СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Петр Штомпка, описывая процесс изживания травм переходного периода в Польше, показывал, что именно институциональные структуры помогали гражданам адаптироваться в меняющемся обществе [12, с. 10–11]. Это обстоятельство опосредованным образом сформировало не только их уверенность в завтрашнем дне, но и представления об ответственности власти и действенности социальной активности. У граждан возникало *компетентное понимание* складывающейся ситуации, *новой природы* социальной интеграции и общественной стабильности. В сочетании эти обстоятельства приводили к быстрому развитию и институционализации новых форм как деловой, так и социальной активности, социального участия в модернизационных проектах власти. Безусловно, сохранили свою значимость и традиционные способы адаптации, сформированные под влиянием паттернов социалистического времени. Но такие стратегии стали нетипичными.

В России же переходная ситуация складывалась существенно иным образом. Скорее следовало говорить о разрыве в социальном взаимодействии, ослабленности социальной ткани, конфликтном несоответствии складывающихся социальных практик — с одной стороны, и реализуемых принципов институционального преобразования общества — с другой [3, 4, 11, 14]. Многие исследователи свидетельствуют, что россияне не хотели, да и сейчас не особо стремятся осваивать новые формы социальной активности, включаться в созданные сверху социальные структуры (в том числе партии, профсоюзы) и не очень готовы выстраивать их работу сами [2, 7, 9]. В результате множество социальных и институциональных возможностей оказывались не востребованными и недоразвернутыми из-за отсутствия энергии социального участия¹.

Климов Иван Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН, ведущий специалист Фонда «Общественное мнение». Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д.24/35, стр. 5. Телефон: (495) 120–82–57. Электронная почта: klimov@orc.ru

Текст подготовлен в рамках проекта «Трансформационные процессы в России в условиях глобализации: социальная база поддержки и протестный потенциал», поддержанного Отделением общественных наук РАН в 2005 г.

¹ Симптоматичными можно назвать высказывания руководителя профсоюза «Трудовая защита» одного из московских автотранспортных

Не следует думать, что люди свободно выбирают, частью какой институциональной и социальной среды им стать, какими возможностями воспользоваться [17]. Социальные и институциональные условия жестко структурированы, и индивиды практически не имеют шансов их контролировать. Однако люди обладают ресурсами *другого рода*, что позволяет им участвовать в «диалектике контроля»: любые формы зависимости, утверждает Э. Гидденс, предполагают наличие определенных ресурсов, посредством которых подчиненные могут влиять на действия подчиняющих. Причем эта особенность встроена в саму природу деятельности: «Субъект, который не участвует в диалектике контроля, перестает быть субъектом действия» [21, р. 149; 22, р. 16].

Один из основных ресурсов индивида — умение избегать нежелательных стратегий действия, способность вмешиваться в события или же воздерживаться от вмешательства, что и оказывает влияние на какой-либо процесс или положение дел. Это, согласно А. Этциони, один из базовых принципов взаимозависимости институтов и внеинституциональной среды [19, р. 417]. Действительно, трансформации, которые происходят с социальными институтами в ситуации отказа граждан от институционального сотрудничества с ними, с высокой вероятностью формируют *воспроизводимое отчуждение*. Это означает, с одной стороны, предрасположенность системы манипулировать людьми, не заботясь об их «компетентном участии», а с другой — состояние депривации, зависимости, неприятия индивидом условий, при которых его действия находятся вне пределов его собственного понимания и контроля (Этциони называет это «невозможностью аутентичного участия» [19, р. 618]).

Второе, что обеспечивает индивида ресурсами для осуществления «диалектики контроля», — это его способность контролировать сеть устанавливаемых контактов. Ведь социальные связи и их «качество» в конечном итоге являются результатом его собственного выбора. Безусловно, институты могут оказывать влияние на коммуникативные предпочтения индивидов, например, через задаваемые образцы социальных взаимодействий. Однако сплоченность и доверительные отношения, солидарность и взаимная ответственность всегда

предприятий, интервью с которым состоялось в 1998 г., после прокатившейся по стране «рельсовой войны» шахтеров (выдержки из интервью см. в Приложении). Он говорил о некомпетентности профсоюзных лидеров, предпочитающих решать свои задачи силовыми методами, а не обращением в суд, для чего, по его словам, создана достаточная нормативная база; о нецелесообразности сотрудничества как с политическими партиями, так и с системой «старых» профсоюзов см. также: [1].

оказываются феноменами внеинституциональными — и по своей природе, и по механизмам воспроизводства².

И третье обстоятельство. Институты действительно могут определять действия индивидов и коллективных агентов, предписывая строить эти действия в рамках принятых институциональных правил. Однако институтам трудно влиять на *интенциональность* акторов, их стремление достичь определенных целей: акторы вступают во взаимодействие с институтами, уже имея заранее сформулированную систему предпочтений и намерений. Оказываясь в поле институционализированных взаимодействий, акторы прорабатывают стратегии и исчисляют издержки. В затруднительных случаях, например, при изменении самих институтов или способа их функционирования, акторы обычно меняют свою стратегию, но не отказываются от предпочтений.

Таким образом, основная проблема функционирования институтов в обществе состоит в том, чтобы эффективно соединить индивидуальные предпочтения и предпочтения коллективных акторов с пространством институциональных практик, преодолеть травматическое и, в целом, демобилизующее влияние неожиданных и радикальных социальных изменений на — по выражению П. Штомпки — «культурную среду коллективного агентства»³. В нашей стране в данной связи, пожалуй, наибольшее внимание вызвали акции протеста и протестная активность в целом. В какой-то момент с этой практикой связывались надежды на появление гражданского общества, на формирование нового институционального устройства власти и т. д. Однако сегодняшнее положение дел в этой сфере уже не дает оснований для подобных оптимистических ожиданий. После волны протестов против реформы социальных льгот, после украинской «оранжевой революции» и событий в Таджикистане, а также на фоне страха российских властей перед социальным протестом становится очевидной необходимость нового разговора о роли и значении протестной активности для социального развития страны.

Три аномалии

В первую очередь, следует указать на некоторые парадоксы и аномалии в сегодняшних представлениях о протестной активности, составляющих «когнитивный фон» как дискуссий, так и аналитических построений.

Протесты допустимы, но бессмысленны. В довольно продолжительный период относительного затишья, когда акций протеста

² Роль и политическую значимость отношений между гражданами, основанных на доверии и опыте участия в добровольных ассоциациях (не связанных с политической деятельностью), показал Р. Патнем в исследовании демократических институтов Италии [25].

³ Об этом см., например: [12, с. 8–9; 13, с. 6–7; 24, р. 119, 124].

было мало, они воспринимались скорее в качестве маргинальных и единичных казусов, не определяющих «дух времени» и в целом не отвечающих ему⁴. В 2005 году протестная активность как форма социального действия вновь оказалась устойчиво легитимизированной: протестовать допустимо и «нормально», и это не является ни социальной девиацией, ни поведенческим отклонением группы каких-то «странных» людей [10, с. 15]. Протестные акции практически всегда завладевают вниманием людей и вызывают их одобрение, особенно когда цели и требования этих акций близки и понятны⁵.

Одновременно с этим и у обычных россиян, и у людей, занимающихся социальной экспертизой, сформировалось устойчиво скептическое отношение к протестной активности: действия этого рода в значительной степени представляются бесполезными, поскольку не оказывают на власть никакого влияния (а если и оказывают, так только негативное, заставляющее ее еще более опасаться протеста)⁶. Даже в случае успешного исхода лейтмотивом в оценках являются темы неэффективности, низкой результативности протеста и «сиюминутности» его итогов. Первую аномалию, таким образом, можно сформулировать так: протестовать — хорошо и правильно, но бессмысленно.

Протест как основание для делегитимации власти. Довольно распространено следующее убеждение, проявляющееся в разговорах о гражданском обществе, протестных действиях, социальных проблемах и т. д.: власть обязана реагировать, отвечать на социальные вызовы «должным» образом. Полагается, что ригидная власть — это плохо, а реагирующая, отвечающая, идущая навстречу требованиям — хорошо. Если власть является непременным участником той или иной проблемной ситуации, то именно ее действиями должна определяться позитивная динамика, от нее зависят все позитивные тенденции.

⁴ Если в 1990-х годах уровень реальной вовлеченности в протестные акции составлял примерно 6–8%, теперь он не поднимается выше 3%. Нисходящую динамику отмечали и сами россияне: согласно данным апрельского опроса ФОМа в 2004 году 37% отмечали, что сегодня акций протеста стало меньше, чем 10 лет назад, и еще 26% утверждали, что они вообще не проходят (см.: Доминанты. Поле мнений. 2004. № 17. <<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0417>>).

⁵ Опрос ФОМа 19–20 июня 2004 г. См.: Климов И. 2004 год: протестные настроения российских граждан // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 25. <<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0425>>, а также: Опрос ФОМа 30–31 октября 2004 года // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 44. <<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0444>>; Опрос аналитического центра Ю. Левады 22–23.01.2005. Россияне о монетизации льгот. <<http://www.levada.ru/press/2005012602.html>>.

⁶ О динамике протестной активности см.: Доминанты. Поле мнений. 2005. № 36. <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0536/domt0536_1>.

Одновременно с этим само наличие протестной активности и даже просто протестных настроений является основанием для вывода о неспособности власти проводить сколько-нибудь эффективную социальную политику⁷. Кроме того, если реакция властей не распознается как «должная», «правильная» и «адекватная», она оказывается основанием не просто для критики, но для делегитимации власти. Такая логика оценок свойственна и обычным людям, и экспертам, что понятно: если не сбываются ожидания, происходит девальвация представлений о должном и справедливом и подтверждаются самые худшие «диагнозы»⁸. Второй парадокс в представлениях, следовательно, выглядит примерно так: если власть не реагирует на протесты, то она «глуха к народным требованиям» или же «тоталитарна»; если же власть реагирует на них, то это всегда получается «не так», и она демонстрирует — тем самым — свою слабость и несостоятельность.

Протестная активность как признак отсутствия «гражданского общества». Довольно распространено неявное противопоставление гражданских инициатив, гражданского общества, с одной стороны, и социальной мобилизации и протестной активности как одной из ее форм — с другой⁹. Очень часто в рассуждениях о протестной активности присутствует особая интерпретационная рамка: это не есть «чистое» социальное действие и гражданская активность. Это — способ политических разборок, манипуляции социальными массами; подобные формы активности нужны лишь для пущей весомости одному из политических игроков, сумевшему вовремя «оседлать» протест¹⁰. Еще одна интерпретация: это вынужденный и спонтанный ответ. А чрезвычайные формы протеста, зачастую оказывающиеся неправовыми — спонтанная реакция людей в ситуации глухоты власти, не способной к диалогу. Безусловно, более симпатичными кажутся институты гражданского общества, однако их развитость в нашей стране принято считать проблематичной не только из-за отсутствия

⁷ Что, безусловно, не лишено оснований, но не может быть универсальной объяснительной схемой.

⁸ См., например: «Свою слабость обнаружили и протестующие, отступив перед обещаниями и подачками. Это неизбежная расплата за неорганизованность, “стихийную” ограниченность массовых протестов... они не были способны и не стремились уподобляться “разноцветным” революциям, ориентированным на изменения во властных структурах» [10, с. 15].

⁹ См., например: [11, с. 39–40].

¹⁰ «Шумные демонстрации в поддержку протестов позволили левопопулистским партиям привлечь к себе общественное внимание... Неорганизованная масса быстро приобретает качества толпы, легко поддается самой примитивной и самой привычной демагогии» [10, с. 12, 14].

организованной социальной активности и инициативы, но и из-за неумения, нежелания, неготовности власти к социальному диалогу [4, с. 4–5]. Парадоксальность обозначенных представлений заключается в том, что считается: протестной активности «нет вообще», либо, если она есть, то «стихийная», а потому — бессубъектная и, следовательно — социально незначимая.

Все перечисленное указывает на то, что сегодня существует необходимость разговора не только о роли и значении протестной активности для социального и политического развития страны, но и о нашей способности изучать социальные процессы, о способности называть и идентифицировать их плюсы и минусы. Безусловно важным является эмпирическое изучение протестной активности — возникающих форм, механизмов, спектра последствий. Однако ориентация на «феноменологию» зачастую приводит к формированию особого рода оценок — «изнутри», несущих на себе сильный отпечаток событийного контекста, социальной и исторической обусловленности. Значит, помимо исследовательской, нужна теоретическая и терминологическая работа, которая бы эксплицировала наши исходные представления о закономерностях и природе феноменов коллективной активности.

Понятие респонсивности

Основным нашим тезисом является следующий: способность власти как институциональной системы отзываться на воздействие социальной среды, на требования общества связана со способностью общества такие требования выдвигать.

Есть два понятия, которые целесообразно использовать при такой постановке проблемы. Это *респонсивность* — определенное качество власти, точнее — ее институционального устройства, и *социальная мобилизация* — свойство, характеризующее «активистские» возможности общества.

Наиболее четкое и продуктивное определение респонсивности сформулировал А. Этциони, определив ее как организованную способность системы воспринимать воздействие и отзываться на него оптимальным образом [19, р. 504]. В определении важными представляются два аспекта: первый — это «организованная способность». Другими словами, данная способность есть интенциональный проект власти, подкрепленный и реализованный в системе институтов и системе правил, по которым последние функционируют. Этциони выделяет три параметра респонсивности как организованной способности:

– способность к систематизации поступающей информации, к накоплению и поиску имеющихся знаний, сведений и опыта (в том числе и опыта принятия решений);

– способность формировать, планировать ответное воздействие в соответствии с поступившей информацией и требованиями (нуждами) системы как целостности и отдельных ее частей;

– способность к эластичности — умение адаптироваться, находить баланс между социальными требованиями граждан и потребностями социетального выживания.

Второй аспект, который следует подчеркнуть в дефиниции Энциони, это указание на «оптимальный ответ».

Существует тесная связь между двумя свойствами социального управления — контролем, то есть применением власти, и респонсивностью. Оптимальное сочетание этих свойств выражается в достижении максимально возможного баланса согласия и принуждения (манипуляции) [19, р. 504-505]. Если управляющая структура проявляет излишнюю лабильность, восприимчивость к направленным на нее сигналам, она оказывается неспособной концентрировать знание о ситуации, эффективно вырабатывать и последовательно реализовывать собственные решения, так как вынуждена расходовать время и ресурсы на то, чтобы гасить возмущения, на неэффективное согласование собственных решений и намерений, внесение корректив в действующие проекты, корректуру коррекции и т. п.¹¹.

В случае чрезмерной ригидности управляющей структуры усиливается масштабность и плотность контроля; как реакция на это возникает отчуждение подчиненного актора и репрессия им собственных установок. При таком положении прогрессирует «непрозрачность» управляемого сегмента, а эффективность контроля существенно снижается [19, р. 8-9], он становится все более жестким и масштабным. Одновременно разрушаются целостность установок, ценностей, идентификаций внутри общности. Накапливается рассогласование интересов, образцов действий и представлений о возможной общесовместной цели. То есть разрушается основа для доверия и солидарности, для общей идентичности.

Фактически это означает движение к смерти (в прямом или переносном смысле) данного сообщества. С одной стороны, возрастает неспособность управляющей структуры к делегированию контроля,

¹¹ Проблемой непоследовательности власти, реализующей какой-либо проект или заявленный политический курс, занимались Ф. Кидленд и Э. Прескотт (1977). Они показывали, что если люди предвидят изменчивость в решениях, они будут выбирать стратегии, препятствующие достижению изначально заявленных властью целей. Стремление власти проводить политический курс, который кажется оптимальным на данный момент времени, ведет, с одной стороны, к кризису доверия, а с другой — к институциональной невозможности проводить эффективную политику [23, р. 137-160].

права принимать решения (как во внутригрупповых, так и во внегрупповых отношениях). С другой — образуется почва для возникновения и обострения социальных конфликтов, проявления в социальной практике тех или иных форм коллективного насилия — от беспорядков до революции.

Логика кибернетической метафоры, которая в значительной степени определяла ход рассуждений Этциони, позволила сформулировать три *организационные* причины, существенно снижающие способность любого актора — будь то социальный институт или субъект коллективного действия — воспринимать сигналы и воздействия, идущие как извне, так и изнутри «коллективного тела». Во-первых, это психологическая и/или идеологическая ригидность принимающих решения, обслуживающего персонала и исполнителей, не позволяющая реалистично оценивать поступающие сигналы. Во-вторых, это инструментальные факторы: дефицит ресурсов, недостаток знаний или опыта, неадекватные теории или концептуальные схемы, используемые для принятия решений и т. д. В-третьих, это недостатки коммуникационных сетей, выражающиеся во фрагментарности получаемой информации, низкой скорости ее поступления и аккумуляции, потере адекватности информации в процессе ее обобщения и т. д. [19, p. 518]. Наихудшим образом все эти недостатки проявляются в ситуации конфликтного взаимодействия. Организованная способность управлять конфликтной ситуацией и конфликтующими агентами является не просто существенным элементом системы управления. От наличия этой способности зависит, перерастет ли конфликт в «мобилизационную кампанию» — с действиями и контрдействиями, с отвлечением ресурсов с актуальных задач и направлением их на противодействие возрастающей ресурсности контрагента. Если управляющий актор теряет способность к контролю (реализации принуждения) и достижению согласия (формулированию и признанию взаимных обязательств), это означает закономерное усиление таких способностей у контрагента. То есть определять ситуацию (или хотя бы стремиться к этому) будут те акторы, которые успешнее развивают в себе соответствующие способности и эффективнее обеспечивают их ресурсами [19, p. 338].

Другим «полюсом» проблемы респонсивности власти Этциони считает феномен *социальной мобилизации*. Его рассуждения на этот счет по большей части укладываются в традицию ресурсомобилизационного направления в социологии — с моделью рационального выбора в основе и идеей «стоимости» мобилизации, ее затрат и приобретений¹². Важно подчеркнуть, что мобилизация означает изменения в *структуре* «сетей контроля», существовавшей прежде

¹² См.: [18, p. 243-252].

между агентами разного уровня в рамках одной макрообщности, а также в *возможностях* «контролирующего влияния» противостоящих акторов.

Важность понятия респонсивности и построенной Этциони концепции определяется несколькими идеями.

– Способность воспринимать воздействия и отзываться на них никогда *не бывает абсолютной*: одинаково неэффективными оказывается как излишняя ригидность, так и чрезмерная лабильность.

– Респонсивность, будучи *организованной* способностью, позволяет управляющей структуре *систематически* получать, осваивать и использовать информацию, накопленный опыт и знания.

– Нарушения в организации этой способности приводят к тому, что некоторые члены сообщества оказываются вытесненными из процесса согласования интересов и целей, а следовательно, они исключаются и из *отношений обязательств*, и из системы *нормативного контроля*. То есть происходит разрушение *социальной солидарности*, что может выражаться как в активных, так и пассивных формах ответных реакций.

– «Пассивный» ответ означает появление «дрейфующих» и отчужденных общностей, социальных групп и индивидуальных агентов, что, с одной стороны, провоцирует гипертрофию властного контроля и принуждения, а с другой стороны, снижает способность других участников сообщества к диалогу, отстаиванию интересов, участию в процессе выработки решений.

– «Активный» вариант ответа означает *социальную мобилизацию*, в ходе которой мобилизующийся агент пытается оказывать *принуждающее влияние* на управляющие структуры¹³.

В чем нам видятся недостатки этих построений? Они не подсказывают ответ на целый ряд вопросов. В фокусе внимания Этциони — развитие способности компетентного участия социальных акторов в противовес естественному стремлению ригидной власти «не принимать» неудобные для нее сигналы и очень резко реагировать на те, которые непосредственно затрагивают ее интересы. Но что происходит в ситуации чрезмерной лабильности власти? Что случается, когда она не способна сама исполнять роль субъекта мобилизации — лояльность-то присутствует, но мобилизационные проекты власти рассыпаются, диссипируют? А если власть все-таки проявляет готовность к тому, чтобы быть респонсивной, но общество отвечает ретритизмом? Другими словами, остаются необъясненными две вещи: что заставляет власть быть «отзывчивой» и что заставляет общество быть

¹³ См., например: «Мобилизация может повлечь за собой потерю контролирующего потенциала со стороны одних агентов и увеличение его у мобилизующегося» [19, p. 338].

способным к диалогу. Одним из направлений решения обозначенных проблем может стать иной подход к пониманию того, что такое *социальная мобилизация*.

Понятие социальной мобилизации

В качестве рабочего мы можем предложить следующее определение. Социальная мобилизация — это процесс формирования новых субъектов социальной деятельности, солидарных сообществ, которые одновременно с обретением внутренней целостности получают возможность преобразовывать систему социальных отношений на основании альтернативного ценностно-нормативного «фрейма» (идеологии, мифа, картины мира), взятого в качестве субъективно полагаемого смысла социального действия.

Важными здесь представляются несколько моментов.

1. В отношении любой общности, группы, объединения людей мы можем говорить об их *субъектности* — подтвержденной ресурсами *способности действовать* ради достижения своих целей, соотносясь при этом с требованиями и намерениями других участников взаимодействия. Сформировавшаяся субъектность предполагает, что актер способен *устанавливать правила* в значимой для него системе отношений и *принуждать* партнеров, контрагентов или иных акторов в своем окружении следовать этим правилам (или хотя бы учитывать их существование) при ведении собственных дел, принятии решений или же при непосредственных контактах с представителями сообщества¹⁴. Например, руководство предприятия, где нарушаются права профсоюза или кого-то из его членов, не может не учитывать, что профсоюз будет решать возникшие проблемы через суд (или с помощью криминальных разборок), если он действительно обладает опытом и возможностями для реализации такой стратегии.

Помимо «внешних» правил существуют «внутренние» правила и процедуры, по которым строится взаимодействие представителей сообщества, на основании которых согласовываются планы и стратегии, решаются текущие задачи и актуальные проблемы. Способность коллективного агента *исполнять* выработанные и установленные «для себя» процедуры, следовать заявленным им самим правилам принципиально важна. С одной стороны, это одно из главных условий легитимации организационной структуры сообщества и, соответственно, условие его целостности. С другой — это основание его способности

¹⁴ См. теорию «систем правил» Т. Барнса и Е. Флэм: различные социальные акторы выдвигают порой противоречащие друг другу системы правил, и последние в значительной мере связаны с борьбой и конфликтами — с целью образования, применения и изменения систем правил [16, p. 89-99].

сопротивляться влиянию контрагентов — давлению, манипуляциям, дискредитации и т. д. Когда говорят, что один участник взаимодействия манипулирует другим, подталкивает его к каким-то ненужным, не отвечающим его потребностям действиям, фактически это означает, что этот второй участник воспринимается в качестве *несубъектного*, неспособного самостоятельно определять стратегию своих действий и последовательно реализовывать ее. Такая ситуация возникает, например, когда профсоюзам предлагают в конфликтной ситуации кулуарные переговоры, в то время как в интересах профсоюза — обсуждение темы на собрании его членов [8, с. 275].

Понятие субъектности, будучи описанным как совокупность агентных, деятельностных характеристик некоторой общности людей, является принципиально важным для разговора о социальной мобилизации. Субъектность складывается из целого набора параметров; собранные вместе, они представляют собой «профиль», «социальный характер» того или иного коллективного агента. Точно так же мы можем описывать, допустим, особенности разных оркестров через указание на число музыкантов, специфику и количество инструментов, соотношение мужчин и женщин, частоту концертов, предпочитаемый репертуар, преобладание дружелюбия или враждебности и т. д. В нашем же случае к таким характеристикам могут относиться, например:

– *Идентичность*: осознание и переживание людьми своей общности. Формирование общей идентичности — это своего рода «открытие теории», на основании которой для меня и для некоторого числа людей естественным и вполне обоснованным оказывается утверждение: «он такой же, как и я».

– *Внутригрупповая солидарность*. Невозможная без сформированной идентичности, она означает «естественное» перераспределение ответственности: человек делегирует сообществу долю ответственности за себя и одновременно принимает ответственность за группу — ее целостность, сохранность норм и правил¹⁵.

– *Формы легитимации* возникающей (или уже возникшей) системы ролей, способы — формальные и неформальные, которыми достигается внутригрупповое согласие, а также согласованность представлений о целесообразности и правильности распределения функционально-ролевых позиций в сообществе.

– *Компетентность относительно режимов правил и правил трансформации*. Следуя за Т. Барнсом и Е. Флэм, мы можем сказать, что умение социального агента выбирать сообразно ситуации тот или иной «режим правил» для регулирования социального действия снижает риск возникновения неожиданных последствий, непонимания и

¹⁵ Объяснение солидарности через «перераспределение ответственности» предложено В.А. Ядовым [15, с. 11–12].

конфликта [16, р. 41-42]. Логика действий, пригодная для забастовки или митинга, ведет к неудачам во время работы в согласительной комиссии и содержательно (а не только процедурно) неуместна во время судебного разбирательства. То же самое относится и к одной специфической ситуации — ситуации изменения правил (смена руководителя или лидера, принятие решений, правила отчетности, достижение консенсуса, взаимных обязательств между коллективом и отдельными его членами и т. д.). Отсутствие компетентности относительно правил трансформации правил чревато утратой внутригрупповой солидарности, кризисом легитимности, потерей суверенитета и т. п.

– *Членство и лидерство*: наличие (или отсутствие) постоянного состава участников сообщества, а также наличие (или отсутствие) лидера или лидерской группы, обладающих подтвержденными полномочиями и статусом, а также способных реализовывать инициативы и брать на себя ответственность за существование группы.

– *Неформальный и институциональный статусы*. Обладание институционализированным статусом, подтвержденным легитимирующими актами или процедурами (свидетельствами, договорами, законами, выборами и т. д.), придает решениям и действиям коллективного субъекта прозрачность и юридическую весомость, а следовательно — большую институциональную эффективность. Например, некоторые исследователи отмечают, что гражданское участие и социальная мобилизация в большей степени определяются существующей институциональной и организационной инфраструктурой, нежели традиционными объединениями, основанными на добровольном и инициативном членстве, и зачастую возникают вокруг правозащитных, адвокатских и иных профессиональных организаций и ассоциаций [26, р. 679; 27, р. 4-6].

Неформальный статус — это не просто «реноме» субъекта, «общее мнение» о нем возможных участников и контрагентов, это также практика «теневых» или вне- и предынституциональных отношений с этим сообществом, объединением людей. Действенность, социальная значимость неформального и институционального статусов (континуально друг с другом связанных) различны в разных коммуникативных ситуациях: одно дело участие в судебном разбирательстве или в переговорах, другое — достижение внутреннего согласия относительно текущих задач и способов их решения или же реализация процедуры делегирования.

– *Устойчивость коллективных практик*. Она означает не только согласие относительно целей деятельности и самого существования сообщества, но и способность существующей организационной структуры их реализовывать в соответствии с выработанными правилами. Наличие воспроизводящихся практик, ритуалов или коллективных актов подтверждает и легитимирует как ролевую структуру сообщества, так и социальную значимость, статус агента в системе отношений с другими акторами.

– *Социальная изоляция/включенность*: наличие партнеров и контрагентов, признающих легитимность данного субъекта и допускающих для себя возможность «иметь с ним дело».

Стоит подчеркнуть, что отсутствие той или иной характеристики или слабая ее выраженность вовсе не означают отсутствия субъектности у того или иного коллективного агента [8, с. 277]. Субъектность может строиться вокруг разных базовых параметров, которые будут обеспечивать его своеобразие. Кроме того, мы можем оценивать субъектность по *степени выраженности* перечисленных выше переменных, но также можем оценивать ее и *применительно к той роли*, на которую *претендует* агент в заданной системе отношений.

Если воспринимать субъектность в качестве некоторого «профиля» социальной общности, можно утверждать, что он способен меняться под влиянием как внутренних процессов, так и внешних сил или ситуации. М. Арчер справедливо замечает, что деятельность социальных агентов не только способствует структурным и культурным изменениям, но и сама преобразуется сообразно изменениям, происходящим с действующим субъектом.

2. Второй компонент определения, который требует пояснений, это утверждение, что социальная мобилизация — процесс *коммуникативного преобразования социального окружения* мобилизуемого субъекта. Что это означает?

Формирование субъектности предполагает, что агент становится значимым элементом в некой системе социальных отношений — как в силу закономерного стремления к собственной легитимации (признание значимыми другими), сигнификационной активности (производство смыслов, утверждений, «картин мира»), так и по мере увеличения объема приобретаемых ресурсов и развития умений контролировать и распоряжаться ими. Таким образом, социальная мобилизация — это не только процесс внутригрупповой динамики, когда агент в действии *изменяет собственную структуру* и собственное действие (концепция «двойного морфогенеза» М. Арчер). Мобилизующийся агент вторгается своими действиями и своими правилами в более широкую *систему отношений*, в которую он *вписан*, или на участие в которой *претендует*, причем изменения касаются, главным образом, структуры и объема возможностей для действий. Практика коллективного действия изменяет не только самого агента, но и организацию социальных сетей, в пределах которых реализуется его активность.

3. Третье понятие не заявлено напрямую в определении, но концептуально оказывается совершенно необходимым. Субъектность, реализуемая через отношение к устанавливаемым правилам (способность формировать их, следовать им и заставлять считаться с ними), означает обладание суверенитетом: правомочностью и способностью к автономии при принятии решений, а также при осуществлении контроля

субординации. Социальная мобилизация предполагает, что активный агент самим фактом своей мобилизационной динамики *оспаривает суверенитет* других акторов и требует *перераспределения суверенитета* в некоторой сложившейся системе отношений, в правилах и практиках реализации суверенитетов разных социальных агентов.

Вопрос о суверенитете — это вопрос о власти и об автономии субъекта в том, как им реализуются процедуры принятия решений. В первую очередь это касается не столько *реализации власти*, сколько автономии при осуществлении процедуры *смены власти* внутри сообщества, коллектива, института. Любое нарушение аутентичности системы правил, неспособность следовать процедурам, выработанным самим сообществом, означает десувверенизацию. Субъектность формируется в борьбе за получение и поддержание своего статуса. Там, где субъекты вступают в конкурентные (конфликтные) отношения, оппоненты стараются, прежде всего, поставить под сомнение способность контрагента принимать самостоятельные, ответственные и компетентные решения, то есть его суверенитет. Именно этим вызван пристальный интерес к вопросу о том, собственное ли это решение или «продавленное» с помощью манипуляций. Отвечает ли действующий субъект за свои поступки и решения или он — эпифеномен чьей-то воли?¹⁶

Респонсивность vs мобилизация

Таким образом, понятие социальной мобилизации, прочитанное в «динамических» понятиях, указывает на то, что активизирующийся агент постоянно сталкивается с сопротивлением социальной среды и ситуации, которые он стремится переопределить. При этом перед ним стоит задача развития субъектности как опоры, как основного источника ресурсов для защиты и сохранения своей суверенности.

Основываясь на сказанном, мы можем несколько изменить исходное уравнение с респонсивностью, с одной стороны, и социальной мобилизацией — с другой, почерпнутое из размышлений А. Этциони. Динамика отношений между социальными институтами и социальными общностями, соотношение доли согласия и доли принуждения в их взаимодействии описываются как функция от параметров их субъектности и умения подтверждать собственный суверенитет.

Соответственно, степень респонсивности, лабильность или ригидность социальных институтов определяются, с одной стороны, их

¹⁶ Например, одной из причин падения авторитета Б. Ельцина было прогрессировавшее убеждение, что он — марионетка в руках неких «реальных» субъектов — олигархов, зарубежных правительств, «семьи»: «он — пешка в чужой игре», «не он руководит страной». См.: Опрос ФОМа 21–22 октября 2000 г. // Доминанты. Поле мнений. 2000. № 27. <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2000/86_5266>.

внутренними возможностями и требованиями относительно ситуации (например, военная реформа или монетизация социальных льгот), а с другой — значимостью встречных требований социальных агентов, мобилизующихся в связи с той же ситуацией и интенсивно преобразующих последнюю самым фактом своей мобилизации (требования «прозрачности» военного бюджета и публичного обсуждения условий монетизации).

Думается, что есть смысл отказаться от представления, что социальная мобилизация всегда направлена против власти, что это всегда протест, конфликт и дестабилизация: это еще и ресурс для социального диалога, ресурс социальной поддержки — не спонтанной, а рефлексивной, ресурс сбалансированного участия общественных объединений и власти в решении общих проблем. В отсутствие контрагента, обладающего субъектностью и намерением участвовать в некоей проблеме или проекте, контроль и управление становятся очень дорогими и ограниченно эффективными, а поддержка, если и оказывается возможной, то скорее будет относиться к разряду «дрейфующей» — по классификации Этциони. «Активная» же социальная единица всегда реализует поисковое поведение, поскольку руководствуется стремлением к пересмотру табуированных обязанностей, трансформации собственных приоритетов и предпочтений [20, р. 83]. Но именно с таким субъектом возможно работать для достижения консенсуса, и эти затраты будут более эффективными: консенсус снижает масштабы контроля.

На этом основании можно уточнить исходный тезис — о том, что респонсивность власти связана со способностью общества выдвигать требования. От базовых характеристик респонсивности, реализованной во властных структурах, зависит тип субъектности мобилизующихся коллективных агентов. Причем зависимость здесь не прямая, ведь социальная поддержка — это не просто игра по правилам власти, это не лояльность, а готовность коллективного агента участвовать в проектах власти, признавая их легитимность — с одной стороны, и с другой — сохранять способность привносить в эти проекты свои правила игры. Соответственно, именно субъектность является главной ценностью, главной проблемой.

Когда мы говорим о коллективных агентах, чья субъектность — это не статус, подкрепленный институциональными признаками (например, в виде иерархической организации, основанной на праве власти), можно утверждать, что субъектность такого агента динамична. Если существует период становления субъектности, ее закрепления перед лицом социальных вызовов и адаптации к новым ситуациям, значит, это качество действующего агента также может и исчезать, вырождаться, деградировать. Иногда это происходит в результате естественного хода вещей, например, когда члены сообщества сочли

решенными задачи, для которых оно формировалось; либо когда они разочаровались в декларированных целях. Иногда это случается под давлением внешних воздействий: в силу дискредитации сообщества или его лидеров, репрессий, массовых увольнений, формальных реорганизаций и т. д. Потеря суверенитета неизбежно вызывает распад субъектности актора. Сказанное означает, что исчезающая субъектность может быть присуща и социальным институтам; одним из ее признаков может являться как раз избыточная лабильность.

* * *

Проблема респонсивности власти и ее суверенитета, проблемы социальной поддержки, мобилизации, протеста особенно актуальны в периоды интенсивных и болезненных общественных трансформаций. Наиболее отчетливо это проявилось в истории с монетизацией социальных льгот. Никакое другое нововведение, предпринятое властью за последние несколько лет, не может сравниться с упомянутой кампанией ни по мгновенности мобилизованного внимания, ни по драматизму динамики мнений — как в отношении самой идеи, так и в отношении главных действующих лиц — инициаторов реформы [6]. С момента обнародования идеи было ясно, что новация будет иметь серьезные последствия — как прямые, так и отдаленные, не вполне очевидные. Уже в этот момент можно было предполагать, что наиболее конфликтным станет этап, когда реформа «дойдет до адресата», когда повседневная жизнь людей подвергнется испытанию новацией. Зимой 2005 года проверялось уже не только техническое исполнение программы, но и эффективность используемых всеми участниками проблемной ситуации ресурсов (экономических, социальных и, конечно, символических). Именно на этом этапе, как правило, определяется судьба любых преобразований — либо они будут свернуты («активным» или «пассивным» способом), либо будет найден путь более или менее последовательной «социализации» нововведения.

Что на самом деле может быть ценным в акциях протеста? Логика предыдущих рассуждений показывает, что это не столько защита прав и решение проблем, сколько возникновение субъектов социального действия. Именно это происходило во многих городах страны в январе-феврале 2005 года — в самый разгар протестной активности против реформы социальных льгот. Объединения возникали по инициативе как политических партий (Комитет протестных действий в Новосибирске, Комитет защиты социальных прав в Одинцово), так и инициативных групп граждан (Общественный совет пенсионеров — Удмуртия). В некоторых — довольно редких — случаях общественные объединения возникали не только для координации протестных действий, но и непосредственно для ведения переговоров с региональным руководством по поиску выхода из кризисной ситуации

(Координационный совет общественно-политических организаций в республике Башкортостан). Важным представляется вопрос не о том, чего добились возникшие объединения, а будут ли они продолжать свое существование и свою деятельность. Именно это в интересах власти.

В отсутствие социальных акторов, способных активно отстаивать собственные интересы в конфликте, респонсивность власти как организованная способность воспринимать воздействия социальной среды резко снижается. Один из наиболее очевидных симптомов этого — проблема переадресации ответственности, наиболее актуальная в конце 1990-х годов и во время шахтерской «рельсовой войны» [5]. Переадресация ответственности приводит не только к разрушению пространства диалога и делегитимации управляющих институтов. В результате происходит легитимация радикальных методов, таких как перекрытие дорог или коллективные голодовки¹⁷. Жесткая форма переадресации ответственности связана с отсутствием возможности результативно заявить о своем суверенитете, реализовать свое требование определять правила и взаимные обязательства. Например, в исследовании, посвященном отношению россиян к практике перекрытия дорог и магистралей, допустимыми такие акции посчитали 37%, причем более половины из них признают, что инициаторы и участники протеста нарушают законы¹⁸. Что характерно, для оправдания подобной тактики использовались не только традиционные утверждения об эффективности и скорости ответной реакции. Респонденты использовали метафору войны и военных действий для объяснения, почему «обычные» нормы и правила неприменимы к ситуации: «*На войне против врага все средства хороши*» (фокус-группа, Воронеж, 2005)¹⁹. Это вполне согласуется с наблюдением, которое сделали Марч и Олсен: институты не только определяют правила игры, они воздействуют на бытующие в обществе ценности, коллективную идентичность, доверие и солидарность, а также этические обоснования действий в отношении них — в форме утверждений о справедливости [24, p. 126].

¹⁷ В Екатеринбурге 14 января 2005 г. работники Ивдельского гидролизного завода начали четвертую по счету голодовку. Три первые закончились успешно — долги были выплачены. Екатеринбургская телекомпания «4 канал» отмечала, что «голодовка становится стандартным способом общения с руководством».

¹⁸ Опрос ФОМа 19–20 февраля 2005 г. // Доминанты. Поле мнений. 2005. № 8. <<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0508>>.

¹⁹ Обращает на себя внимание не только растущая популярность подобных акций (после «рельсовой войны» в течение 10 лет такие случаи были единичными), но и уникальность этого явления — в настоящий момент практически нигде за рубежом практика протестного блокирования дорог не получила столь широкого распространения.

От того, как люди воспринимают окружающий социальный мир и какой они видят свою роль в нем, зависит не просто «общественный климат», в первую очередь этим определяется *характер деятельности* людей. В ситуации аномии социальное недовольство порой приводит к бунту, революциям или иным формам протестного действия. Однако гораздо чаще приходится наблюдать *ретритизм* — уход от проблем и отказ от активности, и вместе с этим — разрушение «социальной ткани», коммуникативной и ценностной связности общества. Опасность такой ситуации состоит не столько в возможности стихийного «социального взрыва», сколько в усиливающейся неспособности общества мобилизовываться перед лицом возникающих трудностей и приводить требуемые преобразования к задуманному результату. Эта неспособность может выражаться в неумении власти объяснять свои намерения и предлагать способы достижения целей. Кроме того, общество может недооценить необходимость тех или иных преобразований, оказаться неспособным требовать их осуществления от самых разных структур власти, а также участвовать в определении способов осуществления новаций в иных формах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бизюков П.В.* Альтернативные профсоюзы на пути освоения социального пространства // Социологические исследования. 2001. № 5.
2. *Дзялошинский И.* Гражданское общество. О чем спор? // Индекс. Досье на цензуру. 2001. №16.
3. *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002.
4. *Заславская Т.И.* Социокультурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. 2001. № 8.
5. *Климов И.* Протестная активность в России: взаимная обусловленность стратегий конфликтующих сторон // Политические исследования. 1999. № 1.
6. *Климов И.* Реформа социальных льгот как социальная проблема // Социальная реальность. 2005. № 2. <<http://www.fom.ru/projects/820.html>>.
7. *Климова С.Г.* Как «заштопать» социальную ткань // Индекс. Досье на цензуру. 2001. № 16.
8. *Климова С.Г.* Профсоюзы как форма субъектности наемных работников // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2004.
9. *Козина И.М.* Профсоюзы в коллективных трудовых конфликтах // Социологические исследования. 2001. № 5.
10. *Левада Ю.А.* Восстание слабейших: о значении волны социального протеста 2005 г. // Вестник общественного мнения. 2005. № 3.
11. *Петухов В.В.* Новые поля социальной напряженности // Социологические исследования. 2004. № 3.
12. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе / Пер. с англ. В.В. Репьева, Н.В. Романовского // Социологические исследования. 2001. № 2.

13. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма / Пер. с англ. А.Ю. Моисеевой, Н.В. Романовского // Социологические исследования. 2001. № 1.
14. *Ядов В.А.* Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002.
15. *Ядов В.А.* Солидаризация рабочих в российской действительности: замысел исследования и теоретические предпосылки // Солидаризация в рабочей среде / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во ИС РАН, 1998.
16. *Burns T., Flam H.* The shaping of social organization: Social rule system theory with application. Beverly Hills: Sage Publications, 1990.
17. *Ericson R., Wright G., Mciver J.* Statehouse democracy: Public opinion and policy in the American states. New York: Cambridge University Press, 1993.
18. *Etzioni A.* Mobilization as a macrosociological conception // The British Journal of Sociology. 1968. Vol. 19. No. 3.
19. *Etzioni A.* The active society. New York: Free Press, 1968.
20. *Etzioni A.* Toward a macrosociology // Theoretical sociology. Perspectives and developments / Ed. by J.C. McKinney, E. Tiryakian. New York: Meredith Corp., 1970.
21. *Giddens A.* Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London: Macmillan Press, 1979.
22. *Giddens A.* The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
23. *Kydland F., Prescott E.* Rules rather than discretion: The inconsistency of optimal plans // Journal of Political Economy. 1977. Vol. 85.
24. *March J., Olsen J.* Rediscovering institutions: The organizational basis of politics. New York: Free Press, 1989.
25. *Putnam R.* Making democracy work: Civic tradition in modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
26. *Sampson R.J., McAdam D., MacIndoe H., Weffer-Elizondo S.* Civil society reconsidered: The durable nature and community structure of collective civic action // American Journal of Sociology. 2005. Vol. 111. No. 3 (November).
27. *Skocpol T.* Voice and inequality: The transformation of American Civic democracy // Perspectives on Politics. 2004. No. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ИНТЕРВЬЮ С РУКОВОДИТЕЛЕМ ПРОФСОЮЗА «ТРУДОВАЯ ЗАЩИТА». МОСКВА, СЕНТЯБРЬ 1998 г.

«У нас нет никакого партийного ориентира, чтоб реально какая-то партия, на самом деле реально помогала бы отдельно взятым работникам наемного труда. Для нас лучшая партия — лучший политик — это профсоюз, нам достаточно прав и обязанностей в федеральном законодательстве, которые распространены на членов профсоюзов и на профсоюз, чтобы оказывать все возможное содействие вопросу, который возникает в конфликтной ситуации у работников наемного труда... Я не понимаю профсоюзников, тех, кто выводит людей на дороги. Конечно, обстоятельства бывают разные, но думаю, в большинстве случаев это некомпетентность в законодательстве, в работе,

если завели ситуацию до такого. Это то же самое, что тактика работодателя, она рассчитана на серость работника».

«Если вопрос серьезный, значит, не избежать судебных исков, нормативную базу надо знать и эти возможности представлять. У нас достаточный опыт, в этом проблем нет. С работодателем мы не сторонники конфликтовать, мы стараемся вступить в переговоры, учитывая свой опыт уже взаимоотношений с работодателем, с его представителем, но мы всегда переговоры ведем именно в рамках закона. Мы также смотрим на изменения, которые появляются, и сами информируем дирекцию... Зачем? Ну, чтобы они не нарушили чего-то по незнанию, а потом на нас же не наехали».

«Суды проходили для нас по-разному. В городе Москве плохая ситуация при обращении в суд профсоюзов не ФНПР. Но это все равно лучше, чем конфликтовать — зарабатывать-то людям надо. Сейчас уже редко до судов доходит, они (администрация) знают, что мы в конфликте не заинтересованы, из принципа нарушителей не покрываем, и всегда можно найти решение без суда. Вот этот пункт: “Предлагаем Вам до вынесения конфликта на судебное поле вступить в переговоры в течение трех дней при обращении любой из сторон”, в коллективном договоре это закреплено. То есть мы хотим снять подводные камни уже в момент, когда, понимаете, начинает назревать. По истечении трех дней, если не будет конструктивного решения, ответа по данному вопросу, мы сохраняем за собой право обращаться не только в суд — в прокуратуру, в органы исполнительной власти. То есть используем всю законодательную базу».

«...Мы стараемся, чтоб агрессивность не возникала со стороны работодателя, чтоб он не видел сразу, что мы настроены враждебно. Сначала всегда видно, что он с опаской встречает, но потом понимает, что каждый наделен своими правами. К сожалению, профсоюзы потеряли очень много в своей позиции, и восстанавливать это очень сложно... Потеряли свои позиции влияния именно на работников наемного труда. Ведь не оправдали же доверия... когда работников увольняли, сокращали, изменяли зарплату, потому что есть прямая зависимость от работодателя».

«Как может зависеть от рядовых членов профсоюзов профсоюзный босс, если они от работодателей зависимы. Напрямую. Везде зарплаты эти, оклады зависят от босса, они являются членами, там, совета директоров, акционерных обществ и так далее. Они своего “я” практически не имеют. Какой-нибудь профсоюзник скажет “нет” работодателю? Вот последние забастовки шахтеров, обратите внимание, ведь вопросов не поднималось, например, о состоянии охраны труда. А что сделал профсоюз по этой линии? На забастовку вывел? И только вот нет зарплаты, и все. Ведь придерживаться могут профсоюзы, вообще-то, такой политики, что надо закладывать фундамент взаимоотношений и защитных функций заранее... Мы с первого дня, где образуется первичная организация, мы начинаем с правил трудового распорядка, если заключены соглашения, коллективные договора, мы идем вот в этом направлении, уже мы не видим, что организацию сократили, выкинули, банкротство предприятия, все остальное. Да, это трудный путь, но зато, понимаете, законный и нормальный путь цивилизованного развития. А когда, понимаете, нет никаких соглашений, договоров, нет ответственности сторон ни работодателя, ни профсоюза, конечно, эта организация нулевая».